

оригинальная статья

Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона

Светлана Ивановна Бабина
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; babina-si@rambler.ru

Наталья Михайловна Егорова
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Поступила в редакцию 06.09.2021. Принята после рецензирования 27.09.2021. Принята в печать 11.10.2021.

Аннотация: Статья имеет обзорно-аналитический характер. Цель – сравнительный анализ социально-экономических показателей уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса и России за период с 2005 по 2019 годы, выявление причин, объясняющих падение уровня жизни и усиление отрицательной миграции. Учитывая, что Кузбасс является угольным регионом, анализ проведен в контексте характеристик ресурсной экономики. Методологической основой исследования стали труды российских и зарубежных ученых по теории уровня жизни и благосостояния, ресурсной экономики, справедливой экономики. Дается авторское определение понятия *уровень жизни населения* – совокупность элементов человеческого бытия, определяемых возможностями выбора, которые зависят от социально-экономического развития общества и доступны человеку с учетом его личных доходов. Выявлено, что уровень жизни населения Кемеровской области, несмотря на богатейшие природные ресурсы, увеличение добычи угля за анализируемый период более, чем в 1,5 раза, положительную динамику валового регионального продукта, из года в год ухудшается. Большинство показателей, используемых в анализе, являются более низкими по сравнению с общероссийскими показателями; по некоторым из них разрыв достигает 50–60 %. Проблемы низкого уровня жизни актуальны и для других ресурсных регионов России. Разработка и реализация региональных стратегий и программ не способны в полной мере улучшить уровень жизни населения ресурсных регионов при существующей системе социальных институтов. Для изменения ситуации необходимы государственные решения по изменению механизмов распределения валового регионального продукта в пользу ресурсных регионов. Через изменение налогового и бюджетного законодательства финансовые потоки от деятельности ресурсных компаний должны быть направлены на решение региональных проблем, на улучшение благосостояния и повышение уровня жизни работников и населения, проживающего на территориях с зависимой экономикой.

Ключевые слова: качество жизни, благосостояние, стоимость жизни, свобода выбора, доходы, расходы, потребление, социально-экономическое развитие, социальные институты экономики, валовой региональный продукт, ресурсное проклятие

Цитирование: Бабина С. И., Егорова Н. М. Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 357–373. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373>

Введение

Уровень жизни населения является отражением степени развития общества, его научно-технического прогресса, экономической и социальной политики государства. Повышение уровня жизни выступает главной стратегической целью правительств в демократическом обществе. Этой цели подчинены проекты и программы социально-экономического развития, научные изыскания в области производства и управления. В настоящий момент глобальным мировым трендом является цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека. Четвертая промышленная революция (индустрия 4.0) способна поднять на качественно новый уровень производительность труда, систему государственного и производственного

управления, что в конечном итоге должно повысить благосостояние населения.

В Указе Президента России № 474 определены целевые показатели в области демографии, здравоохранения, образования, комфортной и безопасной среды, цифровой трансформации. Выполнение программ в рамках данного указа должно обеспечить повышение уровня жизни, создать комфортные условия для проживания, способствовать раскрытию таланта каждого человека¹.

Однако реалии жизни свидетельствуют о том, что не всегда реализуемые в России проекты и программы социально-экономического развития позволяют достичь декларируемых государственных целей и обеспечить

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента России от 21.07.2020 № 474 // СПС Консультант-Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 20.07.2021).

прогнозируемый рост уровня жизни населения во всех регионах страны в равной степени. Причины этого видятся в несовершенстве социальных институтов, сформированных к настоящему времени. Сложившаяся в рыночной экономике система отношений в сфере производства и распределения материальных благ, а также механизмы и инструменты (нормы, нормативы, законы и т. п.), используемые для их регулирования, порой идут вразрез с принципом экономической справедливости, формируют неоправданно высокую дифференциацию в уровнях жизни населения столичных мегаполисов и провинциальных регионов, к которым относится и Кемеровская область – Кузбасс.

Цель исследования – сравнительный анализ экономических показателей, характеризующих уровень жизни населения Кемеровской области, с аналогичными средними показателями России; выявление причин, объясняющих падение уровня жизни и усиление отрицательной миграции. Учитывая, что Кузбасс является угольным регионом, анализ проведен в контексте характеристик ресурсной экономики.

Методологической основой исследования стали труды российских и зарубежных ученых по теории уровня жизни и благосостояния, ресурсной экономики, справедливой экономики. Исследование базировалось на системном, комплексном и аспектном подходах с учетом выбора показателей для анализа, соответствующих дискурсу проблемы и характеризующих уровень жизни в регионе ресурсного типа.

Для экономической оценки уровня жизни применены методы построения динамических рядов, индексного, графического, структурного и сравнительного анализа. В качестве эталона для сравнения взяты средние аналогичные показатели по России. Исследование базируется на официальной статистике Росстата. Графики, диаграммы, таблицы составлены авторами на основе данных, опубликованных в сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели»² и «Социальное положение и уровень жизни населения России»³ за 15-летний период с 2005 г. по 2019 г.

Методология исследования

Уровень жизни населения является интегральным критерием оценки социально-экономической политики государства. Данная категория и ее индикаторы исследуются различными научными школами, общественными организациями, учеными разных стран. Теория и методы оценки уровня жизни постоянно совершенствуются адекватно общественному развитию. Существует несколько концепций уровня жизни.

Традиционные концепции

Концепция потребления. «О своем успехе в материальном мире человек обычно судит по достигнутой обеспеченности потребительскими благами. Располагаемые блага, другими словами, находящиеся в распоряжении предметы потребления и услуги, отражаются в его сознании как элементы бытия, которые складываются мысленно в индивидуальный уровень жизни. Уровень жизни, понимаемый как обеспеченность, отражает объективную сторону условий жизни индивида, т. е. количество и качество окружающих его благ» [1, с. 70; 2, с. 74].

В рамках концепции возникло множество определений исследуемого понятия, методик, включающих разное количество показателей и способов получения комплексной оценки. Категория *уровень жизни* близко связана с такими понятиями, как *качество жизни*, *благополучие*, *стоимость жизни*. Существуют разные подходы к раскрытию сущности данных категорий, их взаимосвязи и соотношения. Всероссийский центр уровня жизни определяет *уровень жизни* как «денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом» [3]. Авторы учебника «Социальная статистика» так трактуют *уровень жизни*: «обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей. Так понимается и *благополучие*; «денежная оценка благ и услуг, фактически потребляемых в среднем домохозяйстве, ... представляет собой *стоимость жизни*» [4].

Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева фактически ставят равенство между категорией *уровень жизни* и выражениями «уровень благосостояния населения, мера удовлетворения основных жизненных потребностей людей» [5]. Аналогичный взгляд представлен в работе «Политика доходов и качество жизни населения»: *уровень жизни* – «это интегрированная, существенная параметрическая величина, отражающая на определенный период степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, что выражается в количестве и качестве потребляемых человеком благ и услуг, оцениваемых системой показателей» [6, с. 77].

Раскрытие сущности уровня жизни через обеспеченность или степень обеспеченности людей материальными благами для удовлетворения многообразных человеческих потребностей, отражено в работах И. А. Хисамудинова [7], Г. М. Дендак [8], М. А. Меньшиковой, К. В. Коптевой [9].

Понятие *качество жизни* рассматривается чаще всего как «субъективная оценка степени удовлетворения населением своих потребностей» [6, с. 75] или как

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 352 с.

«комплексная характеристика уровня и условий жизнедеятельности людей, отражающая степень удовлетворения ими различных потребностей и субъективное восприятие жизни и ее отдельных аспектов» [10, с. 35–36]. Это понятие характеризуется более широким набором показателей. Как отмечает Е. А. Морозова, «богатое наполнение анализируемого понятия говорит, с одной стороны, о сложности его исчерпывающе широкого и глубокого эмпирического изучения, с другой стороны, о наличии определенного выбора наиболее представительных параметров и конструирования систем показателей для измерения качества жизни» [10, с. 36; 11].

Концепция уровня жизни как ее полезности. «Современная модификация этой концепции отождествляет полезность с осуществлением желаний. В отличие от концепции потребления данная концепция фокусируется на человеке, а не на внешних условиях его жизни» [1, с. 70; 2, с. 77]. Другими словами, оценка уровня жизни основывается на том, как тот или иной индивид ощущает свое благосостояние; она субъективна и является методологической основой социологических опросов населения.

Современные концепции уровня жизни

Теория Амартии Сена. Теория индийского экономиста, лауреата Нобелевской премии 1998 г. «За вклад в экономику благосостояния», получившая наибольшую популярность в конце 70-х гг. Теория основана на двух концепциях: фактического уровня жизни человека и возможностей или индивидуальной свободы выбора [1; 2]. В первой из них под уровнем жизни понимается «совокупность видов деятельности человека и аспектов существования, действительно свойственных его жизни в данный момент времени, или на протяжении учетного периода той или иной продолжительности. Жизнь человека в рамках этой концепции предстает как развертывающийся во времени поток событий и процессов, а его бытие – как мгновенный срез, поперечное сечение этого потока, соответственно, уровень жизни характеризуется обобщенной оценкой совокупности ключевых элементов фактического бытия индивида». Суть второй концепции заключается в том, что уровень жизни человека определяется «возможностями или индивидуальной свободой выбора доступных стилей жизни», которые ему может предоставить общество в конкретный момент времени [1, с. 74; 2, с. 80]. В понимании первой концепции выбор стиля жизни определяет в конечном итоге его фактический уровень жизни.

Концепция человеческого развития и индекса человеческого развития (ИЧР). В основу разработки концепции легла теория А. Сена. ИЧР – это интегрированный показатель, используемый в ежегодных докладах ООН о развитии человека для сравнения и ранжирования разных стран мира по уровню жизни. ИЧР строится на основе таких индикаторов, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности, валовой национальный

доход по паритету покупательной способности, которые с 2010 г. корректируются на индексы социально-экономического неравенства, гендерного неравенства и многомерности бедности [12].

Россия в 2019 г. по ИЧР (0,824) заняла 52 место среди 189 государств, участвующих в оценке. За период с 1990 г. по 2019 г. рост ИЧР составил 12,1 %. По данным за 2018 г. Москва в списке регионов России имела ИЧР 0,959, опережая Норвегию (0,954), стоящую в рейтинге стран мира на первой позиции. Близкое значение ИЧР имел и Санкт-Петербург (0,951). Кемеровская область занимала 47 место (0,867), что примерно соответствует уровню показателя Польши (0,865), у которой 33 место в мировом рейтинге.

Согласно современным концепциям, материальную базу возможностей и свободы выбора человека обеспечивают социально-экономическое развитие общества (вся совокупность созданных в стране или в регионе материальных благ и оказываемых социальных услуг) и личные доходы. Чем значительнее их величины, тем шире спектр возможностей и тем больше свобода выбора конкретного гражданина для развития своих способностей, талантов, построения жизненного пути, и, соответственно, лучше уровень и качество жизни. Базовым показателем для оценки уровня жизни в рамках названной концепции, как и в традиционных теориях, является показатель ВВП в расчете на душу населения. В то же время, как отмечает А. А. Подузов, «совершенствование экономической и социальной политики должно учитывать, что производимые блага, при всей их важности и полезности, не являются самоцелью. Они являются средством, ценность которого определяется тем, что люди могут делать с их помощью. Их общая масса и состав должны быть подчинены достижению сбалансированной совокупности наиболее важных и обладающих самостоятельной ценностью элементов человеческого бытия» [1, с. 79; 2, с. 88].

Подводя итог вышесказанному, под уровнем жизни будем понимать совокупность элементов человеческого бытия, определяемых возможностями выбора, которые зависят от социально-экономического развития общества и доступны человеку с учетом его личных доходов. Исходя из приведенного определения, понятно, что чем выше уровень социально-экономического развития региона (страны) и доходы населения, тем шире спектр возможностей выбора не только материальных благ и услуг, но и построения жизненной траектории, следовательно, тем более высокий уровень жизни населения характерен для данного общества.

В существующих методиках содержится разное количество показателей для оценки уровня жизни человека, населения региона или страны в целом, которые могут объединяться в социально-экономические индикаторы по группам компонентов, а затем в обобщающие индексы. «Достигнутое к настоящему времени состояние дел

в области измерения и соизмерения уровней жизни – это результат продолжительной концентрации и координации значительных интеллектуальных усилий во всем мире» [1, с. 71; 2, с. 76].

Детальный анализ методик выходит за рамки настоящей статьи. В то же время отметим, что выбор исходных показателей для расчета социально-экономических индикаторов и индексов в российских методиках, как правило, основывается на Методологических положениях по статистике Федеральной службы государственной статистики⁴, в которых представлена большая группа показателей, отражающих доходы, расходы, потребления населения, коэффициенты дифференциации, концентрации и др.

Во многих современных методиках для оценки уровня и качества жизни используются также индикаторы, отражающие демографическую ситуацию, положение дел в сфере охраны правопорядка, экологии, развитость социальной сферы (медицины, образования, культуры, спорта, жилищно-коммунального хозяйства), т.е. это показатели, характеризующие состояние среды проживания населения.

В нашем исследовании мы применяем относительные экономические и социальные показатели в расчете на 1000 человек или долевые значения при анализе структур, что позволяет проводить сравнение с эталоном, в качестве которого выступают среднероссийские аналогичные показатели. Использование простых показателей позволяет получить комплексную характеристику уровня жизни конкретного региона, выявить тенденции в динамике ключевых показателей, дать объективную картину состояния по факторам и сферам социально-экономического развития региона, определяющим уровень жизни населения. К индексам, объединяющим группы индикаторов или более частные индексы, чаще прибегают для сравнения регионов и стран. Недостаток агрегаторов – нивелирование низкого уровня отдельных показателей за счет высокого уровня других, что заложено в самом механизме их расчета.

Подчеркнем, что уровень социально-экономического развития общества является первичным фактором, определяющим уровень жизни. При положительной динамике ВВП и финансового результата деятельности организаций должны увеличиваться показатели доходов, потребления населения, развития социальной сферы, всего, что определяет свободу выбора. Поэтому несправедливой следует расценивать ситуацию, когда при росте ВВП в динамике происходит снижение уровня благосостояния населения, его обнищание.

Другие важные категории, которыми мы оперируем в своем исследовании, – *ресурсная зависимость экономики* и *ресурсное проклятие*. Под ресурсной зависимостью понимается такая экономика, в которой большая доля ВВП приходится на добывающие отрасли, экспорт сырья и продукции первого передела [13–16]. «В российской

экономике регионы ресурсного типа занимают особое место, так как именно экспортно-ориентированные добывающие отрасли и отрасли первого передела обрабатывающей промышленности являются локомотивами российской экономики и определяют ее место в глобальном разделении труда» [14, с. 91]. Ресурсное проклятие выражается в более низких темпах развития регионов с богатыми ресурсами по сравнению с регионами, основу экономик которых составляет перерабатывающий сектор. «Проблема заключается в том, что влиятельные экономические и политические акторы удовлетворяют свои интересы в рамках сформировавшихся экспортно-ресурсных анклавов богатств, а сформировавшиеся институты подавляют стимулы к развитию других секторов экономики» [14, с. 92]. Следствием такой политики является более низкий уровень жизни населения многих ресурсных регионов.

Проблемам ресурсной зависимости и ресурсного проклятия посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых [13–24]. М. Росс [22] и Э. Венаблес [24] отмечают, что ресурсное проклятие возникает не во всех богатых ресурсами регионах, а только «там, где государство оказывается неспособным эффективно использовать природные ресурсы как фактор экономического роста. Это определяется как состоянием институтов, так и выбором политических элит» [14, с. 93].

В России при переходе к рыночным отношениям была разрушена система социалистических институтов, обеспечивающая стабильный баланс интересов всех участников социально-экономических отношений, в том числе между центром и регионами, добывающими и перерабатывающими секторами экономики, столичными и провинциальными городами. При всех недостатках социалистической экономики государство проявляло особую заботу о населении территорий с ресурсной экономикой. Через распределение национального дохода таким регионам оказывалась существенная финансовая поддержка, обеспечивающая высокий уровень благосостояния и качества жизни населения. В советское время шахтеры и металлурги составляли элиту рабочего класса страны, имели заработную плату выше, чем в среднем по стране; предприятия топливно-энергетического комплекса, металлургической промышленности обладали собственной хорошо развитой социальной инфраструктурой.

Формирование нового класса капиталистов в России в начале 1990-х гг. осуществлялось, в отличие от Запада, стремительно. Инструментами выступали приватизация общенародной собственности за ваучеры, а затем их скупка небольшим количеством предприимчивых людей за бесценку у обнищавшего народа как следствия гиперинфляции, банкротства предприятий и повсеместной задержки выплат заработной платы. Новые «правила

⁴ Методологические положения по статистике // Федеральная служба государственной статистики. Вып. 4. 2003. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm (дата обращения: 12.04.2021).

игры» были чужды и непонятны большей части населения, включая руководителей разных структур и уровней управления, интеллигенцию. Как отмечалось в научных публикациях периода перестроечных реформ, «рыночная трансформация экономики России сопровождалась радикальными по своему характеру институциональными преобразованиями» [25].

Система законодательства как базовый институт функционирования любой экономики отставала в своем становлении от развития новых экономических отношений. Несовершенство законов, частое внесение поправок в уже действующие законы не могло поддерживать стабильность деловых взаимосвязей и экономических процессов. На этой почве стали процветать беззаконие в действиях недобросовестных чиновников и руководителей, уход части бизнеса в теневую экономику, лоббирование интересов крупных коммерческих компаний в органах власти через подкуп должностных лиц, коррупция, вывоз капитала за границу, миграция высококвалифицированных специалистов в страны с развитой рыночной инфраструктурой и другие, разрушающие национальные интересы и экономику страны, явления. Сильно снизился уровень жизни населения, упала рождаемость, увеличился отток населения из регионов в столичные мегаполисы и города с развитой промышленностью и социальной сферой. Эти процессы затронули большинство территорий России, но особенно негативно они отразились на регионах с ресурсной экономикой, о чем свидетельствуют официальные данные Росстата и многочисленные публикации.

Президент и Правительство РФ за последние 20 лет разработали множество стратегических и программных документов; Государственная Дума и Совет Федерации приняли сотни законов, регулирующих отношения в разных сферах жизнедеятельности государства. Эти усилия должны способствовать повышению уровня жизни населения всех регионов России, но ситуация меняется крайне медленно, а во многих регионах является катастрофической.

Результаты

Кемеровская область – Кузбасс известна своими богатыми природными ресурсами. На ее территории разведано и учтено Государственным балансом полезных ископаемых РФ «порядка 500 месторождений полезных ископаемых, среди которых преобладают каменный уголь, железная руда, торф-сырец. Из цветных металлов добывают полиметаллические руды, цинк, свинец, серебро, золото, медь, вольфрам, ртуть, молибден, кобальт, никель; из нерудного сырья – флюсовые известняки, доломиты, кварциты, огнеупорные глины, формовочные пески, асбест, тальк, базальт. <...> По запасам углей, пригодных для разработки открытым способом, Кузбасс занимает второе место в России (после Канско-Ачинского бассейна), по степени их промышленного освоения – первое; на его долю приходится 60 % всех добываемых углей в стране»⁵.

Отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности первого передела, угольной отрасли и черной металлургии составляют основу экономики Кемеровской области, которая является монопрофильной: 70 % жителей проживают в поселениях с монопрофильным производством.

За анализируемые 15 лет объем добычи угля в Кузбассе увеличился на 52,5 %: со 164 млн т угля в 2005 г. до 250,1 млн т в 2019 г. (в 2018 г. – 255,8 млн т). При этом в отраслевой структуре (в текущих основных ценах, в процентах к итогу) валового регионального продукта (ВРП) доля, приходящаяся на добычу полезных ископаемых, увеличилась на 34,7 % (с 27,1 % до 36,5 %). Существенно упали доли других отраслей и сфер деятельности: сельского хозяйства – на 30,3 % (с 3,3 % до 2,3 %), обрабатывающих производств – на 15 % (с 16,9 % до 14,4 %), строительства – на 35,8 % (с 5,3 % до 3,4 %), оптовой и розничной торговли – на 34 % (с 13,8 % до 9,1 %). Структура ВРП по отраслям экономики в 2019 г. представлена на рис. 1.

В товарной структуре экспорта Кемеровской области доля продукции топливно-энергетического комплекса

Рис. 1. Структура ВРП по отраслям экономики в 2019 г.
Fig. 1. Gross regional product by industry, 2019

⁵ О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года». Закон Кемеровской области – Кузбасса от 23.12.2020 № 163-ОЗ // Администрация Правительства Кузбасса. Режим доступа: <https://xn---2035-3veg1c0a7eat.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.07.2021).

(ТЭК) с 2005 г. по 2019 г. возросла с 49,6 % до 78,2 %, т. е. увеличилась в 1,58 раза (рис. 2). В России в целом этот показатель также велик и в среднем составляет 68–70 %. Некоторая флуктуация значения показателя объясняется колебанием цен на нефть, газ и уголь на мировых рынках. Отношение показателей Кузбасса и России имеет ярко выраженную тенденцию к росту от 0,73 в 2005 г. до 1,26 в 2019 г., что свидетельствует о погружении экономики Кузбасса во все большую ресурсную зависимость.

Доля экспорта металлов и изделий из них в товарной структуре экспорта Кузбасса снизилась с 44,5 % до 16,9 %, но осталась второй по значимости в экспорте региона (рис. 3). В России этот показатель также является вторым по величине: в 2005 г. он составлял около 15,0 % и уменьшился в 2019 г. до 8,9 %.

Поскольку в России в целом, как и в Кемеровской области, доля продукции экспортно-ориентированных отраслей, добывающей и обрабатывающей промышленности первого передела занимает ведущие позиции в товарной структуре экспорта, постольку развитие экономики регионов ресурсного типа, в частности Кузбасса, в значительной степени определяет развитие экономики страны. Объем ВРП в расчете на душу населения и в РФ, и в Кемеровской области ежегодно возрастал (рис. 4). Положительное влияние на динамику ВРП в России и в регионе оказали высокие цены на сырьевые товары (нефть, газ, уголь).

В годы экономических кризисов (2008–2009 гг. и 2013–2014 гг.) наблюдалось снижение ВРП на душу населения по причине уменьшения спроса на топливно-энергетические ресурсы и черный металл на мировых рынках. Однако уже к концу 2014 г. начался неуклонный рост объемов продаж, что повлекло и рост ВРП на душу населения. За анализируемый период ВРП Кузбасса вырос в 4,4 раза.

Учитывая, что определяющий вклад в ВРП вносят такие виды экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства, включенные в индекс промышленного производства, то показатель ВРП напрямую зависит от развития соответствующих отраслей. Таким образом, значительный рост объемов добычи угля, увеличение доли добывающих производств в отраслевой структуре ВРП и в экспорте продукции за пятнадцатилетний период свидетельствует об усилении ресурсной зависимости экономики Кемеровской области, при том что во всех региональных стратегиях и программах ставятся задачи по диверсификации экономики и ее освобождению от сырьевой зависимости.

Учитывая, что экономика региона формирует финансовые условия для уровня жизни ее населения и социального развития территории, логично утверждать, основываясь на принципе экономической справедливости, что динамика таких показателей, как расходы консолидированного

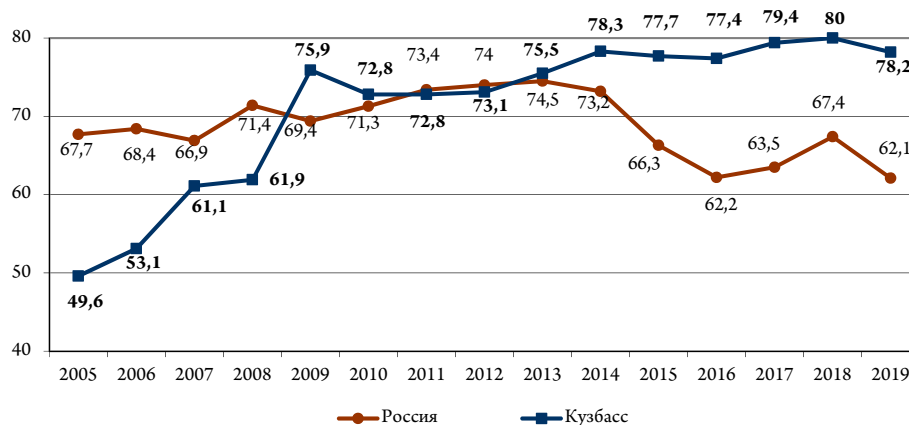

Рис. 2. Доля продукции ТЭК в товарной структуре экспорта, %
 Fig. 2. Share of FEC products in the commodity structure of exports, %

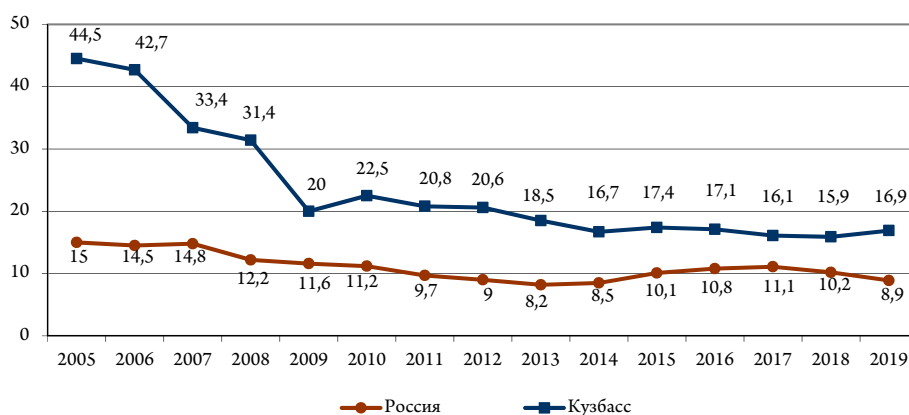

Рис. 3. Доля металлов и изделий из них в товарной структуре экспорта, %
 Fig. 3. Share of metals and metal products in the commodity structure of exports, %

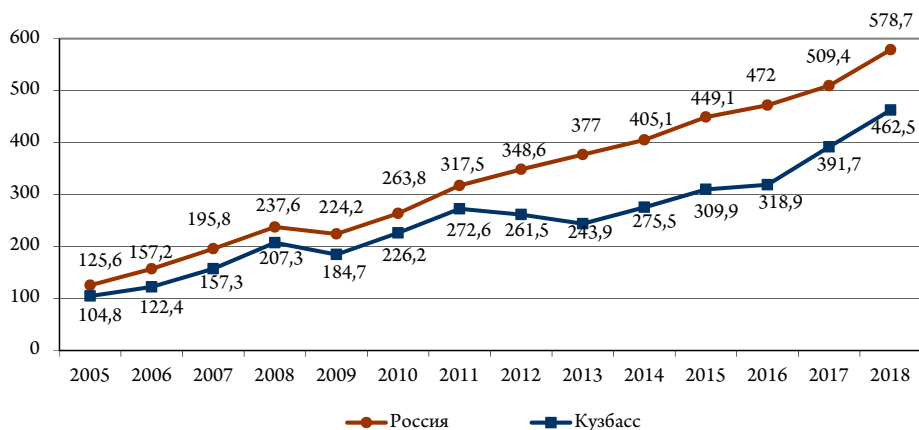

Рис. 4. ВРП на душу населения, тыс. руб.

Fig. 4. Gross regional product per capita, thousand rubles

бюджета на душу населения, различные показатели доходов, расходов и потребления населения, развития социальной сферы, должна совпадать с динамикой базового экономического показателя. От величины ВРП зависит объем налоговых перечислений в бюджеты разных уровней. Демонстрируя реализацию принципа экономической справедливости, проанализируем вышеназванные показатели в России и в Кузбассе за два крайних года анализируемого периода (табл. 1).

Так, в анализируемом периоде на региональном уровне наблюдается определенная деструкция пропорций между

ВРП и расходами консолидированного бюджета в расчете на душу населения. При росте ВРП в 4,4 раза, показатель расходов консолидированного бюджета вырос в 3,6 раза и был ниже среднероссийского значения на 20 % (в 2005 г. они были на одном уровне). Российские же показатели ВРП и расходов консолидированного бюджета выросли почти одинаково, в 4,6 и 4,5 раза соответственно.

Объем бюджетных средств, в свою очередь, определяет не только уровень доходов работников социальной сферы, но и возможности финансирования программ и мероприятий, направляемых на развитие среды про-

Табл. 1. Показатели ВРП, доходов, расходов и потребления на душу населения

Tab. 1. Indicators of gross regional product, income, expenses, and consumption per capita

Показатели	2005			2019		
	Кузбасс	РФ	Отношение Кузбасс / РФ	Кузбасс	РФ	Отношение Кузбасс / РФ
ВРП, тыс. руб.	104,8	125,7	0,834	462,41* (рост в 4,4 раза)	578,71 (рост в 4,6 раза)	0,799
Расходы консолидированного бюджета, руб.	20,5	20,5	100	74,1 (рост в 3,6 раза)	92,5 (рост в 4,5 раза)	0,801
ФКПДХ, тыс. руб.	74,2	79,9	0,928	234,6671 (рост в 3,16 раза)	347,7381 (рост в 4,35 раза)	0,675
Среднедушевые денежные доходы в месяц, руб.	7889	8088	0,975	24886 (рост в 3,15 раза)	35247 (рост в 4,36 раза)	0,706
Место в рейтинге регионов	23	-	-	63	-	-
Среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников организаций, руб.	8654	8555	1,011	41770 (рост в 4,82 раза)	47867 (рост в 5,59 раза)	0,873
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	12,8	17,6	0,727	13,6 (рост в 1,06 раза)	12,3 (снижение на 30 %)	1,105
Среднедушевые денежные расходы в месяц, руб.	5224	5627	0,928	18885 (рост в 3,6 раза)	28470 (рост в 5,06 раза)	0,663
Место в рейтинге регионов	26	-	-	71	-	-
Доля социальных выплат в общей структуре доходов населения, %	12,8	12,7	1,008	26,7 (рост в 2,09 раза)	18,9 (рост в 1,49 раза)	1,413

Прим.: * Данные за 2018 г.

живания населения. Основные причины названной деструкции в Кузбассе содержатся, на наш взгляд, в особенностях институтов по регулированию экономических отношений в ресурсных регионах, в частности в системах налогообложения добывающих предприятий, формирования региональных бюджетов; в отсутствии эффективных инструментов, регулирующих деятельность собственников ресурсодобывающих предприятий в интересах работников и населения, проживающего на территории ресурсного региона.

Существующая система институтов в сфере социально-экономических отношений негативно отразилась на показателях уровня жизни. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств (ФКПДХ) на душу населения в Кемеровской области на протяжении всего 15-летнего периода было ниже, чем по России в целом. Однако если с 2005 г. по 2008 г. этот разрыв был незначительным, то с 2009 г. отставание резко возросло и продолжило увеличиваться до 2018 г., когда ФКПДХ на душу населения в Кузбассе составило 0,675 от среднего показателя по стране (рис. 5).

Существенно меньшая величина ФКПДХ на душу населения в Кемеровской области по сравнению с общероссийским уровнем в период с 2009 г. по 2018 г. обусловлена серьезным отставанием темпов роста региональных среднедушевых денежных доходов населения от общероссийских. Аналогичная ситуация наблюдается и по показателю среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций. Роль районного коэффициента, который призван компенсировать повышенные затраты населения, связанные с географическими особенностями региона, в рыночной экономике девальвировалась. Как показал проведенный анализ, коэффициент не выполняет предназначенной ему функции увеличения трудовых доходов населения с целью закрепления и привлечения кадров в регионе. Снижение доходов населения Кузбасса, рост числа населения с денежными доходами ниже величины прожиточного уровня повлияли на увеличение доли социальных выплат в общей структуре доходов населения.

За 15-летний период показатели уровня жизни населения Кузбасса отстали от среднероссийских показателей: по ФКПДХ на душу населения – на 32,5 %; по среднедушевым денежным доходам в месяц – на 29,4 %; по среднедушевым денежным расходам в месяц – на 33,7 %; по среднемесячной номинальной начисленной зарплате работников организаций (по разным сферам деятельности) – на 10–20 %. По данным Росстата, Кузбасс в рейтинге регионов России по среднедушевым денежным доходам с 23 позиции в 2005 г. опустился на 63 место в 2019 г., по потребительским расходам – с 26 на 71 место. При этом доля населения (% от общей численности населения субъекта) с денежными доходами ниже величины прожиточного минимум оказалась выше среднероссийского показателя на 10,5 пункта.

Итак, статистика по доходам и расходам населения, рост объемов социальной помощи и увеличение доли граждан, нуждающейся в ней, свидетельствуют о том, что за 15-летний период происходит снижение уровня жизни и, соответственно, личных возможностей свободы выбора населения Кемеровской области. Учитывая, что Кузбасс является богатейшим угольным регионом с высокими темпами роста добычи угля, но при этом существующий уровень жизни его населения имеет отрицательный тренд и значительно ниже среднего по стране, можно утверждать, что Кузбасс является регионом ресурсного проклятия.

Отражением снижения уровня жизни явилось сокращение численности населения в регионе на 148 тыс. человек (5,3 %), которое произошло как за счет сокращения естественного прироста населения, так и за счет отрицательной миграции, несмотря на демографические и социальные программы правительства. В 2019 г. Кузбасс вошел в первые пять регионов с наихудшей демографической ситуацией⁶. По показателям смертности на протяжении всего исследуемого периода Кузбасс занимает 1 место в Сибирском федеральном округе (СФО); в рейтинге регионов России в 2019 г. – 64 место.

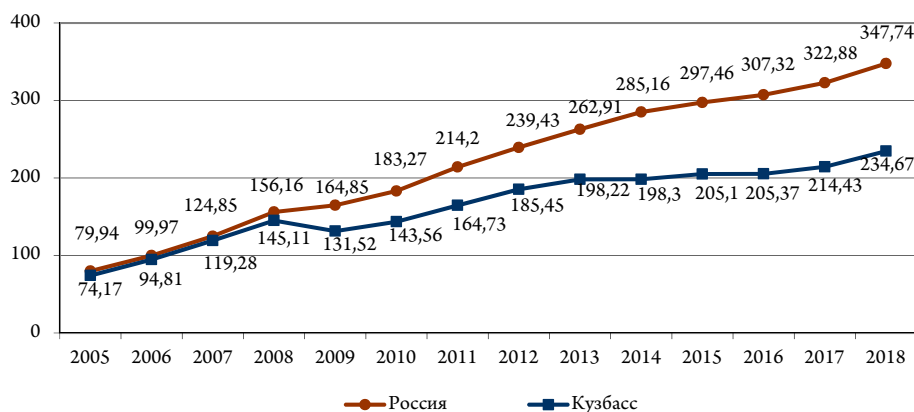

Рис. 5. ФКПДХ на душу населения, тыс. руб.

Fig. 5. Final consumption of households per capita, thousand rubles

⁶ Там же.

Общий коэффициент рождаемости с 2005 г. по 2012 г. имел положительную динамику и был выше среднего показателя по России (табл. 2). В последующие годы наблюдается его падение: в 2019 г. он был ниже показателя 2005 г. на 15 % и ниже среднероссийского уровня на 11 %.

Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. человек населения) за все анализируемые годы имел отрицательное значение: он был равен -31 в 2018 г. и -9 в 2019 г. По показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении Кузбасс со значением 69,78 в 2019 г. занял 80 позицию в рейтинге регионов России. Отрицательная динамика демографических показателей негативно отразилась на структуре населения в сторону снижения доли трудоспособного возраста.

На неблагоприятный уровень жизни населения Кузбасса указывают показатели состояния экологии и развития социальной сферы. В регионе функционирует более 45 тыс. предприятий и организаций всех видов деятельности. «Такая концентрация промышленного производства неизбежно влечет за собой большую нагрузку на окружающую среду – выбросы в атмосферу, загрязнение вод, накопление отходов производства. Наибольший удельный вес в общем объеме загрязнений окружающей среды Кемеровской области занимают предприятия угледобывающей, металлургической и химической промышленности. В настоящее время по уровню загрязнения окружающей среды Кузбасс занимает 2 место в СФО после Красноярского края»⁷.

Кузбасские показатели выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников

на протяжении анализируемого периода многократно превышали средний общероссийский показатель (табл. 3). В 2019 г. количество выбросов в расчете на одного жителя Кузбасса в 5,66 раза больше, чем в среднем на одного жителя страны. При этом доля уловленных загрязняющих веществ с 79 % в 2005 г. снизилась до 65,8 %.

Наибольшее количество загрязненных сточных вод поступает в поверхностные водные объекты от предприятий, занятых добычей угля (40,6 %), обрабатывающих производств (35,3 %) и предприятий жилищно-коммунальной сферы (16 %). Основными промышленными отходами, загрязняющими водоемы региона, являются фенолы, соединения азота, меди, марганца, а также нефтепродукты. Показатели сброса загрязненных сточных вод в Кемеровской области также значительно выше среднероссийского показателя.

По количеству ежегодно образующихся отходов Кузбасс занимает 1 место в России. «Острейшей экологической проблемой региона является утилизация отходов (в т. ч. опасных), накопившихся за несколько десятков лет на территориях многих промышленных предприятий, в первую очередь горнодобывающих, химических и металлургических. Их многолетнее отрицательное воздействие на окружающую среду (накопленный вред окружающей среде), по экспертным данным, приводит к потерям до 11 % ВРП только от увеличения заболеваемости населения. Вблизи предприятий горнодобывающей промышленности расположены объекты размещения промышленных отходов III и IV классов опасности с суммарной массой порядка 13,3 млн т»⁸.

Табл. 2. Демографические показатели, повлиявшие на численность и структуру населения

Tab. 2. Demographic indicators that affected the number and structure of the population

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Общий коэффициент рождаемости															
Кузбасс	10,9	11,3	12,1	13,2	13,6	13,1	12,7	13,8	13,6	13,2	12,5	12,1	10,5	9,9	9,0
РФ	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	11,5	10,9	10,1
Отношение Кузбасс / РФ	1,07	1,09	1,07	1,09	1,10	1,05	1,08	1,04	1,03	0,99	0,94	0,94	0,91	0,91	0,89
Общий коэффициент смертности															
Кузбасс	18,9	17,3	16,6	16,3	16,2	16,1	15,5	15,2	14,5	14,6	14,5	14,3	14,1	14,4	14,2
РФ	16,1	15,2	14,6	14,6	14,2	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4	12,5	12,3
Отношение Кузбасс / РФ	1,17	1,14	1,14	1,12	1,14	1,13	1,15	1,14	1,12	1,11	1,12	1,11	1,14	1,12	1,15
Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения, %															
Кузбасс	63,6	63,9	63,2	63,2	62,4	61,0	60,1	59,2	58,1	57,1	56,1	55,4	54,8	54,3	55,3
РФ	63,0	63,0	62,9	62,6	62,0	61,5	60,9	60,1	59,3	58,4	57,4	56,7	56,0	55,4	56,3
Отношение Кузбасс / РФ	1,00	1,01	1,01	1,01	1,01	0,99	0,99	0,99	0,98	0,98	0,98	0,98	0,98	0,98	0,98

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Табл. 3. Динамика показателей по охране окружающей природной среды на душу населения

Tab. 3. Dynamics of environmental protection indicators per capita

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, т															
Кузбасс	0,457	0,47	0,52	0,54	0,51	0,51	0,50	0,50	0,50	0,49	0,49	0,50	0,55	0,52	0,662
РФ	0,142	0,14	0,14	0,14	0,13	0,13	0,13	0,14	0,13	0,12	0,12	0,12	0,12	0,12	0,117
Отношение Кузбасс / РФ	3,21	3,36	3,71	3,86	3,92	3,92	3,85	3,57	3,85	4,08	4,08	4,17	4,58	4,33	5,66
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, м³															
Кузбасс	247,70	262,16	275,59	281,47	268,86	252,97	239,84	208,25	218,39	175,12	169,77	163,64	160,26	132,24	113,0
РФ	123,52	122,26	120,28	119,93	111,03	115,62	111,68	109,48	105,84	101,09	98,48	100,35	92,54	89,46	85,9
Отношение Кузбасс / РФ	2,00	2,14	2,29	2,35	2,42	2,19	2,15	1,90	2,06	1,73	1,72	1,63	1,73	1,48	1,30
Затраты на охрану окружающей среды, тыс. руб.															
Кузбасс	0,43	1,27	1,57	1,87	1,73	1,95	1,98	2,08	2,77	3,75	2,52	2,67	3,59	4,08	6,47
РФ	1,63	1,81	2,07	2,58	2,40	2,61	2,88	3,11	3,34	3,83	3,98	4,03	4,48	4,91	5,94
Отношение Кузбасс / РФ	0,26	0,70	0,76	0,72	0,72	0,75	0,69	0,67	0,83	0,98	0,63	0,66	0,80	0,83	1,09

В то же время при таких бедственных показателях экологии затраты на охрану окружающей среды в Кузбассе (в расчете на душу населения) с 2005 г. по 2018 г. ниже, чем в среднем по России. Нет ярко выраженной положительной динамики вложений в охрану окружающей среды. В 2005 г. они были ниже российского показателя на 74 %, в 2013 г. – на 17 %, в 2016 г. – на 34 % и т. д.

Показатели состояния здоровья населения являются отражением экономического и социального благополучия региона. В 2019 г. в Кузбассе показатель количества зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, оказался выше среднероссийского показателя на 6,4 %, хотя в 2005 г. значение среднероссийского показателя превышало значение кузбасского (рис. 6).

В 2019 г. более высокая заболеваемость наблюдалась в Кузбассе по 12 из 15 регистрируемых статистикой

основным классам болезней, в том числе по таким группам болезней, как болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (превышение общероссийского показателя в 1,7 раза), врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения (в 1,65 раза), болезни нервной системы (в 1,59 раза), травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин (в 1,33 раза), болезни мочеполовой системы (в 1,33 раза), болезни системы кровообращения (в 1,23 раза), болезни глаза и его придаточного аппарата (в 1,17 раза), болезни органов пищеварения (в 1,3 раза), болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (в 1,16 раза), новообразования (в 1,15 раза) (рис. 7).

Показатели общей площади жилых помещений, приходящейся на одного жителя, а также состояние жилищного фонда характеризуют частную среду проживания

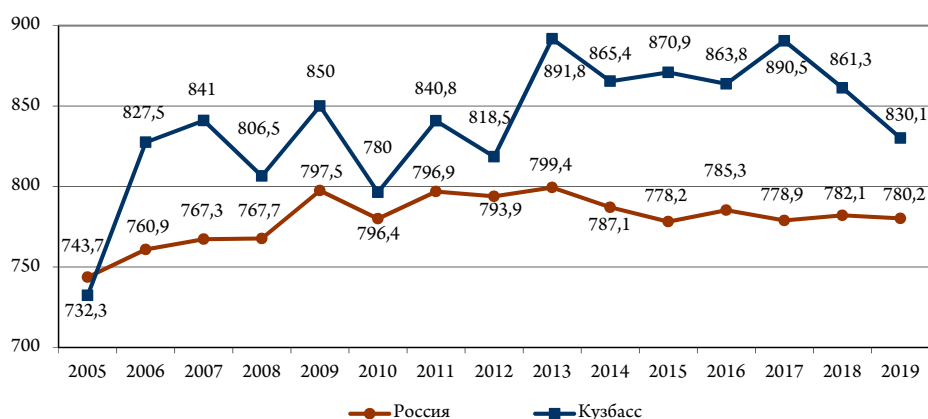

Рис. 6. Динамика зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек
Fig. 6. Dynamics of registered diseases in patients with a first-time diagnosis, per 1,000 people

и определяют возможности выбора населения, предоставляемые обществом исходя из уровня его социально-экономического развития. По данному показателю за 2019 г. кузбассовцы находятся примерно в одинаковых условиях со среднестатистическим гражданином России: 25,4 м² – в Кузбассе, 26,3 м² – в среднем по России (рис. 8).

Однако немаловажное значение для описания уровня жизни региона имеет не только обеспеченность жильем, но и характеристики этого жилья. Так, в 2019 г. в Кузбассе лишь 74,4 % жилищного фонда было оборудовано центральным отоплением (в России – 87,1 %), 73,8 % – канализацией (в России – 79,4 %), горячим водоснабжением – 66,3 % (в России – 71,7 %). В 2018 г. 1,1 % жилого фонда составляло аварийное жилье, в котором проживают в основном социально незащищенные категории граждан с низким уровнем доходов. В среднем по России этот показатель равнялся 0,7 %.

Показатели, характеризующие востребованность кузбасским населением благ в сфере культуры и отдыха, имеют в анализируемом периоде положительную динамику, но тем не менее они на 30–60 % ниже, чем в среднем по России (табл. 4). Это объясняется как низкой платежеспособностью населения, так и недостаточным количеством культурно-развлекательных учреждений в регионе. Отметим, что в силу удаленного географического расположения Кемеровской области от столичных городов, от российских и зарубежных морских зон отдыха затраты у жителей Кузбасса на отдых, путешествия, посещение исторических и культурных мест России значительно выше, чем у жителей центральной части страны.

Резко отрицательную динамику имеет показатель численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (рис. 9), отражающий в определенной степени возможности выбора

Рис. 7. Заболеваемость населения по основным классам болезней на 1000 человек в 2019 г.
Fig. 7. Morbidity by disease class per 1,000 people, 2019

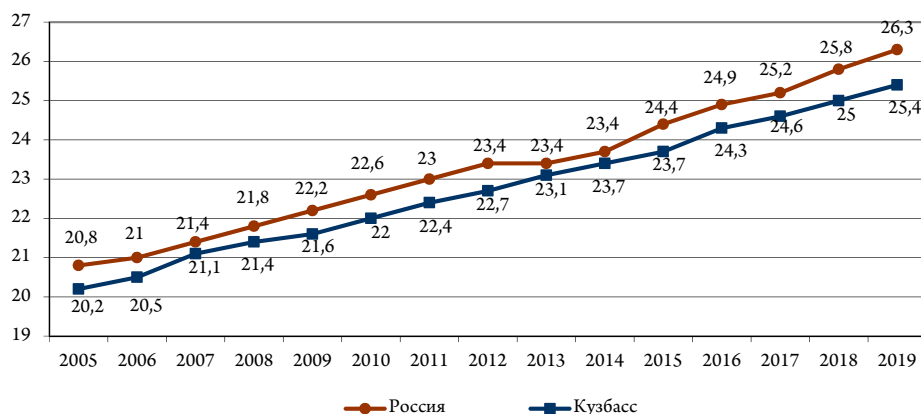

Рис. 8. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м²
Fig. 8. Average floor area per person, m²

Табл. 4. Показатели, характеризующие востребованность населением благ в сфере культуры и отдыха

Tab. 4. Demand for cultural and recreational services

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Численность зрителей театров на 1000 человек															
Кузбасс	129	139	137	133	148	149	166	164	180	193	193	193	186	192	206
РФ	195	200	205	213	211	217	230	237	249	255	261	265	269	278	280
Отношение Кузбасс / РФ	0,662	0,695	0,668	0,624	0,701	0,687	0,722	0,692	0,723	0,757	0,739	0,728	0,691	0,691	0,735
Число посещений музеев на 1000 человек															
Кузбасс	399	388	372	439	463	465	455	448	471	486	506	484	485	417	496
РФ	527	554	552	566	533	567	601	629	668	703	813	842	800	775	877
Отношение Кузбасс / РФ	0,757	0,700	0,674	0,776	0,869	0,820	0,757	0,712	0,705	0,691	0,622	0,575	0,606	0,538	0,566
Доля населения, приобретающая турпакеты, % от среднегодовой численности населения															
Кузбасс	0,38	0,61	0,60	0,69	0,66	0,77	0,75	0,78	0,82	0,88	1,05	1,26	1,12	1,08	1,09
РФ	1,18	1,41	1,85	1,35	1,11	1,22	1,21	1,25	1,34	1,35	1,80	2,24	2,24	2,30	2,98
Отношение Кузбасс / РФ	0,322	0,433	0,324	0,511	0,595	0,631	0,620	0,624	0,612	0,652	0,583	0,563	0,500	0,47	0,36

населения в плане получения высшего образования. В Кузбассе численность студентов сократилась больше, чем в два раза. Такая ситуация объясняется коммерциализацией высшего образования, сокращением бюджетных мест в высших учебных учреждениях, низкими доходами населения, что делает недоступным получение высшего образования для многих молодых людей. Тенденция резкого сокращения численности обучающихся по системе высшего образования характерна в целом и для России.

Одним из показателей безопасности среды проживания является число зарегистрированных преступлений. За исследуемый период данный показатель имел разную динамику по годам (рис. 10), с 2012 г. наблюдается некоторое снижение числа преступлений, но их количество остается высоким. В 2019 г. показатель был на 9,2 % больше, чем в 2005 г., и на 48 % больше, чем в России.

Итак, анализ показателей, характеризующих среду проживания и потребление населением благ и услуг в сфере культуры, образования и отдыха, выявил более низкий их уровень по сравнению со среднестатистическими по России, что говорит о более низком качестве жизни и свойственно населению с низким уровнем жизни. Динамика группы показателей, характеризующих качественную сторону жизни населения Кузбасса, имеет аналогичный показателям уровня жизни отрицательный тренд.

По результатам проведенного анализа население Кемеровской области, несмотря на богатейшие природные ресурсы, положительную динамику добычи угля (рост на 52 %) и ВРП (рост в 4,4 раза) за анализируемый период, имеет уровень жизни, свойственный региону ресурсного проклятия. Большинство показателей являются более низкими по сравнению с общероссийскими, по некоторым

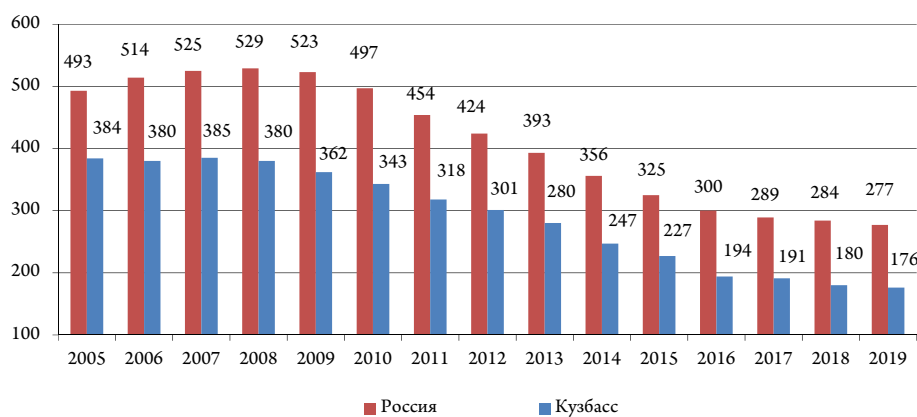

Рис. 9. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. человек

Fig. 9. University students, per 10,000 people

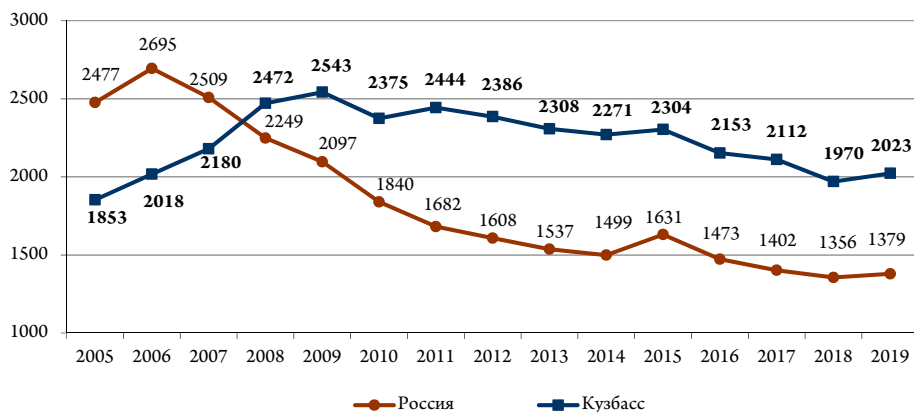

Рис. 10. Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек
Fig. 10. Crimes per 100,000 people

из них разрыв достигает 50–60 %. Причем отрицательный тренд за пятнадцатилетний период возрос.

Понимая катастрофическую системно ухудшающуюся ситуацию по уровню жизни населения Кузбасса, руководство области разрабатывает стратегии, программы, которые должны переломить негативную тенденцию. В Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года (Закон Кемеровской области № 74-ОЗ) и в Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года (Стратегия-2035), (Закон Кемеровской области – Кузбасса № 163-ОЗ) стратегические цели определяются как «повышение конкурентоспособности региона и рост на этой базе благосостояния жителей региона»⁹, «создание качественно новой среды жизнедеятельности людей, радикальное улучшение экологических и социальных условий жизни в Кузбассе, общественного и экономического климата Кузбасса»¹⁰.

В Стратегии-2035 основные стратегические направления развития (блоки) представлены контурами, в которых выделяются приоритеты-центры. Каждый приоритет-центр имеет цели, задачи, результаты. Например, контур приоритетов «Кузбасс – регион достойной жизни людей» состоит из приоритетов Кузбасс – центр профессионального превосходства, Кузбасс – центр высокого качества жизни населения, Кузбасс – центр достойного труда, Кузбасс – центр новых компетенций и рабочих мест зеленой экономики¹¹.

Центр высокого качества жизни населения включает: центр развития социальных услуг, центр развития здравоохранения, центр развития семьи, центр развития культуры и государственной национальной политики, центр предоставления гериатрических услуг, центр активного

досуга, центр развития физической культуры и спорта в Кузбассе, центр обеспечения населения доступным и комфортным жильем в Кузбассе¹².

Представим некоторые результаты деятельности центра высокого качества жизни населения в положениях документа на период с 2026 г. по 2035 г.:

- проведены оценка и внедрение социальных инноваций;
- осуществлено развитие исследований в области семейных отношений;
- создан и функционирует центр молодой семьи, где проходят лекции, мероприятия, предоставляется консультативная помощь;
- созданы площадки для творчества всех возрастных групп (дети, взрослые, пожилые);
- проведено ознакомление детей с культурными особенностями Кузбасса;
- обеспечена полная доступность услуг здравоохранения всему населению¹³.

Основной акцент в Стратегии-2035, как и в ранее принятых документах, сделан на увеличение добычи угля, модернизацию угольной отрасли, разработку инновационных технологий по более глубокой переработке угля и т. п. Значимым явлением в Кемеровской области должно стать освоение технологии по производству водорода как топлива нового класса. Это позволит привлечь в регион большой объем инвестиций, высококвалифицированных специалистов, значительно увеличить ВРП, создать новые рабочие места. В социальной сфере будет создан культурный кластер, в который войдут филиалы Мариинского театра оперы и балета, Государственного Русского музея и Российской академии музыки им. Гнесиных, образовательный комплекс с филиалами учреждений для

⁹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. Закон Кемеровской области от 11.07.2008 № 74-ОЗ // Гарант. Режим доступа: <http://base.garant.ru/7500078/> (дата обращения: 20.07.2021).

¹⁰ О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» ...

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

подготовки специалистов в области хореографии, театрального и музыкального искусства.

Итак, вышеперечисленные результаты реализации Стратегии-2035 призваны повысить качество жизни населения Кузбасса. Однако в документе отсутствуют стратегические индикаторы, поэтому непонятно, на какие показатели и критерии качества и уровня жизни выйдет Кузбасс и как изменится ситуация в итоге реализации программ Стратегии-2035.

Заключение

Уровень жизни населения является отражением экономической и социальной политики государства и сформировавшихся социальных институтов. Цель исследования заключалась в изучении уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса как ресурсного региона. Авторами дано определение уровня жизни, под которым понимается совокупность элементов человеческого бытия, определяемых возможностями выбора, которые зависят от социально-экономического развития общества и доступны человеку с учетом его личных доходов.

Результаты исследования позволили выявить тенденции в динамике ключевых показателей Кемеровской области, большинство из которых являются более низкими по сравнению с аналогичными общероссийскими показателями; дать объективную картину состояния уровня жизни населения Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона; сделать вывод, что, несмотря на богатейшие природные ресурсы, увеличение добычи угля за анализируемый период более чем в 1,5 раза

и положительную динамику ВРП, кузбассовцы имеют уровень жизни, свойственный региону ресурсного проклятия.

Проблемы низкого уровня жизни актуальны и для других ресурсных регионов России. Разработка и реализация региональных стратегий и программ не могут полностью сломить отрицательный тренд в показателях уровня жизни ресурсных регионов при существующих социальных институтах. Действующее налоговое и бюджетное законодательство направлено на концентрацию финансовых ресурсов в экономических столицах (Москве и Санкт-Петербурге) и служит интересам федерального центра, крупных ресурсных компаний и их менеджмента. Регионы при этом испытывают недостаток в финансовых средствах для реализации экономических, инновационных и социальных программ, направленных на улучшение благосостояния населения. Для изменения ситуации необходимы государственные решения по изменению механизмов распределения ВРП в пользу производящих его регионов. Через изменение налогового и бюджетного законодательства финансовые потоки от деятельности организаций должны быть направлены на решение региональных проблем, на улучшение благосостояния и повышение уровня жизни работников и населения, проживающего на территориях с ресурсной экономикой.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Подузов А. А. Концепция уровня жизни: очерк современных представлений // Проблемы прогнозирования. 2008. № 6. С. 69–84.
2. Подузов А. А. Философия уровня жизни. Очерк современных представлений // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2008. Т. 6. С. 72–95.
3. Бобков В. Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26–36.
4. Социальная статистика / под ред. И. И. Елисеевой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2003. 480 с.
5. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с. Режим доступа: <http://enbv.narod.ru/text/Econom/ses/str/0609.html> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Политика доходов и качество жизни населения / под ред. Н. А. Горелова. СПб.: Питер, 2003. 653 с.
7. Хисамутдинов И. А. Уровень жизни и методы его оценки // Основы экономики и теории рынка. Режим доступа: <http://uchebnik-online.com/123/107.html> (дата обращения: 12.04.2021).
8. Дендак Г. М. Уровень и качество жизни населения России: региональный аспект // Политика, экономика и инновации. 2016. № 5. Режим доступа: <http://pei-journal.ru/index.php/PEI/article/view/147> (дата обращения: 20.07.2021).
9. Меньшикова М. А., Коптева К. В. Теоретико-методологические подходы к оценке уровня и качества жизни населения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 6. С. 5–7.
10. Морозова Е. А. Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 35–41. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-35-41>

11. Морозова Е. А., Пастухова Е. Я., Прошкин Б. Г., Мухачева А. В. Качество жизни населения: теория и практика социологического изучения. Кемерово: КемГУ, 2011. 261 с.
12. Mishra S., Nathan H. S. K. Measuring Human Development Index: the old, the new and the elegant // Mumbai Working Papers. Mumbai: Indira Gandhi Institute of Development Research, 2013. 33 p.
13. Курбатова М. В., Кислицын Д. В. Проблема типологизации регионов ресурсного типа // Институциональная трансформация экономики: ресурсы и институты (ИТЭРИ–2019): мат-лы VI Междунар. науч. конф. (Красноярск, 9–12 октября 2019 г.) Красноярск: СФУ, 2019. С. 67–68.
14. Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С., Кислицын Д. В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 89–106. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>
15. Левин С. Н., Кислицын Д. В., Сурцева А. А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. Т. 11. № 4. С. 61–76. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076>
16. Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 3. С. 92–101. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101>
17. Гуриев С. М., Сонин К. И. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-61-74>
18. Мальцев А. А. Особенности проявления «голландской болезни» деиндустриализации в современной российской и зарубежной практике // Современная конкуренция. 2008. № 4. С. 116–129.
19. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
20. Ploeg F. van der. Natural resources: curse or blessing? // Journal of Economic Literature. 2011. Vol. 49. № 2. P. 366–420. <https://doi.org/10.1257/jel.49.2.366>
21. Papyrakis E., Ravesh O. An empirical analysis of a regional Dutch disease: the case of Canada // Environmental and Resource Economics. 2014. Vol. 58. № 2. P. 179–198. <https://doi.org/10.1007/s10640-013-9698-z>
22. Ross M. L. What have we learned about the resource curse? // Annual Review of Political Science. 2015. Vol. 18. P. 239–259. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052213-040359>
23. Stiglitz J. E. Globalization and its discontents. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2003. 304 p.
24. Venables A. J. Using natural resources for development: why has it proven so difficult? // Journal of Economic Perspectives. 2016. Vol. 30. № 1. P. 161–184. <https://doi.org/10.1257/jep.30.1.161>
25. Мещеряков Д. А., Чарахчян К. К. Структура системы институтов современной рыночной экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 2. С. 42–48.

original article

Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region

Svetlana I. Babina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo;
babina-si@rambler.ru

Natalia M. Egorova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 6 Sep 2021. Accepted after peer review 27 Sep 2021. Accepted 11 Oct 2021.

Abstract: This review article introduces a comparative analysis of the standard of living in the Kemerovo region aka Kuzbass in 2005–2019. The research objective was to identify the reasons behind the decline in the living standards and the growing negative migration. Considering that Kuzbass is a coal region, the analysis was performed in the context of resource economy. It featured Russian and foreign studies on the theory of living standards and welfare, resource economy, and fair economy. The authors defined the concept of the standard of living as elements of human existence that depend on the socio-economic development of society and one's personal income. The standard of living in the Kemerovo region, which has enormous natural resources, is deteriorating from year to year, despite its increasing coal production and GRP. Most indicators appeared to be lower than Russia's average; in fact, the gap may reach 50–60 %. Poor living standards are an urgent problem for many resource regions. Regional strategies and programs seem unable to improve the situation, which requires state decisions to change the mechanisms of distribution of the gross regional product in favor of resource regions. By changing tax and budget legislation, the state should redirect financial flows from big resource companies to local problem areas.

Keywords: quality of life, welfare, cost of living, freedom of choice, income, expenses, consumption, socio-economic development, social institutions of the economy, gross regional product, resource curse

Citation: Babina S. I., Egorova N. M. Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 357–373. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Poduzov A. A. The standard of living concept: an essay on current perceptions. *Problemy Prognozirovaniya*, 2008, (6): 69–84. (In Russ.)
2. Poduzov A. A. The philosophy of the standard of living. An essay on current ideas. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN*. Moscow: MAKS Press, 2008, vol. 6, 72–95. (In Russ.)
3. Bobkov V. N. Academic school of All-Russian life level center studying and evaluating quality and level of population life. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2009, (2): 26–36. (In Russ.)
4. *Social statistics*, ed. Eliseeva I. I., 3rd ed. Moscow: Finansy i statistika, 2003, 480. (In Russ.)
5. Rayzberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. *Modern economic dictionary*, 2th ed. Moscow: INFRA-M, 1999, 479. Available at: <http://enbv.narod.ru/text/Econom/ses/str/0609.html> (accessed 12 May 2021). (In Russ.)
6. *Income policy and quality of life of the population*, ed. Gorelov N. A. St. Petersburg: Piter, 2003, 653. (In Russ.)
7. Khisamutdinov I. A. Standard of living and methods of its assessment. *Fundamentals of Economics and market theory*. Available at: <http://uchebnik-online.com/123/107.html> (accessed 12 Apr 2021). (In Russ.)
8. Dendak G. M. Standards of living and quality of life of the population in Russia: regional aspect. *Politika, ekonomika i innovatsii*, 2016, (5). Available at: <http://pei-journal.ru/index.php/PEII/article/view/147> (accessed 20 Jul 2021). (In Russ.)
9. Menshikova M. A., Kopteva K. V. Theoretical and methodological approaches to assessing the level and quality of life of the population. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skoxozyajstvennoj akademii*, 2012, (6): 5–7. (In Russ.)
10. Morozova E. A. Living standards as indicator of socio-economic development of single-industry towns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (3): 35–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-35-41>
11. Morozova E. A., Pastukhova E. Ya., Proshkin B. G., Mukhacheva A. V. *Quality of life: theory and practice of sociological study*. Kemerovo: KemGU, 2011, 261. (In Russ.)
12. Mishra S., Nathan H. S. K. Measuring Human Development Index: the old, the new and the elegant. *Mumbai Working Papers*. Mumbai: Indira Gandhi Institute of Development Research, 2013, 33.
13. Kurbatova M. V., Kislitsyn D. V. The problem of typologization of resource-type regions. *Institutional Transformation of the Economy: Resources and Institutions (ITERI-2019)*: Proc. VI Intern. Sci. Conf., Krasnoyarsk, 9–12 Oct 2019. Krasnoyarsk: SFU, 2019, 67–68. (In Russ.)
14. Kurbatova M. V., Levin S. N., Kagan E. S., Kislitsyn D. V. Resource-type regions in Russia: definition and classification. *Terra Economicus*, 2019, 17(3): 89–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>
15. Levin S. N., Kislitsyn D. V., Surtseva A. A. Institutional organization of resource-type regions in Russia: general description and structural shift in the economy. *Journal of Institutional Studies*, 2019, 11(4): 61–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076>
16. Levin S. N., Kagan E. S., Sablin K. S. "Resource type" regions in the modern Russian economy. *Journal of Institutional Studies*, 2015, 7(3): 92–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101>
17. Guriev S. M., Sonin K. I. Economics of the resource curse. *Voprosy Ekonomiki*, 2008, (4): 61–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-4-61-74>
18. Maltsev A. A. The characteristics of "Dutch disease of de-industrialization" evidence in modern Russian and foreign practices. *Journal of Modern Competition*, 2008, (4): 116–129. (In Russ.)
19. *Resource regions of Russia in the "new reality"*, ed. Kuleshov V. V. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN, 2017, 308. (In Russ.)
20. Ploeg F. van der. Natural resources: curse or blessing? *Journal of Economic Literature*, 2011, 49(2): 366–420. <https://doi.org/10.1257/jel.49.2.366>

21. Papyrakis E., Raveh O. An empirical analysis of a regional Dutch disease: the case of Canada. *Environmental and Resource Economics*, 2014, 58(2): 179–198. <https://doi.org/10.1007/s10640-013-9698-z>
22. Ross M. L. What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science*, 2015, 18: 239–259. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052213-040359>
23. Stiglitz J. E. *Globalization and its discontents*. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2003, 304.
24. Venables A. J. Using natural resources for development: why has it proven so difficult? *Journal of Economic Perspectives*, 2016, 30(1): 161–184. <https://doi.org/10.1257/jep.30.1.161>
25. Mescheryakov D. A., Tcharahchan K. K. The modern market economy institutions system structure. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2005, (2): 42–48. (In Russ.)